Необходимость государственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства

А.Ф. Волынский^{1,2}

¹ ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», Москва 117991, Россия

² ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», Москва 125080, Россия

Аннотация. Проанализированы этапы возникновения и развития в России экспертно-криминалистической и судебно-экспертной деятельности, показаны их содержательные особенности, причины и обстоятельства межведомственных противоречий в их организации. Сделан вывод о необходимости формирования общегосударственной (надведомственной) системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, включая экспертно-криминалистическую и судебно-экспертную деятельность, а также компьютерную криминалистику. Обозначены основные принципы такой системы.

Ключевые слова: *криминалистика, судебная экспертиза, министерства и ведомства, судебно-экспертные учреждения, полиция, экспертно-криминалистические подразделения, компьютерные преступления*

Для цитирования: Волынский А.Ф. Необходимость государственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 1. С. 130–140. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-130-140>

The Need for a State System of Scientific and Technical Support for Criminal Procedure

Alexander F. Volynskii^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, Moscow 117991, Russia

² Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow 125080, Russia

Abstract. The article consistently analyzes the features of forensic expert activities' emergence and development. It also shows the substantive features of these activities, the reasons, and circumstances of the manifestation of interdepartmental contradictions in the approaches to their organization. The author concludes that it is necessary to form a nationwide (supra-departmental) system of scientific and technical support for criminal proceedings, including forensic expert activities and computer forensics.

Keywords: *forensic science, forensic expertise, ministries and departments, forensic institutions, police, forensic departments, computer crimes*

For citation: Volynskii A.F. The Need for a State System of Scientific and Technical Support for Criminal Procedure. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 1. P. 130–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-130-140>

Ежегодные статистические данные свидетельствуют о крайне низкой раскрываемости преступлений в нашей стране. Как заметил Президент России В.В. Путин, выступая на коллегии МВД России 28 февраля 2019 г., практически каждое второе преступление остается нераскрытым.

Изменились, но не к лучшему, показатели деятельности правоохранительных органов и в 2019 г. Из 494 092 зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений раскрыто лишь 212 259 (42,9 %) – их раскрываемость снизилась на 0,8 %¹. Разумеется, тому есть множество причин: как внешнесистемных, так и внутрисистемных.

Прошлое, предопределившее настоящее

Заимствование достижений естественных и технических наук, а также реализация их возможностей для раскрытия и расследования преступлений всегда рассматривались как одна из основных задач криминалистики, а их практическое использование в указанных целях изначально обеспечивалось в форме экспертно-криминалистической и судебно-экспертной деятельности (ЭКД и СЭД). В России это наглядно проявилось введением так называемой уголовной (антропологической в 1890 г. и дактилоскопической в 1906 г.) регистрации, которая сначала осуществлялась в местах лишения свободы². При этом сотрудники регистрационных бюро проводили сравнительные (идентификационные) исследования регистрируемых объектов. По существу, это были первые криминалистические (судебные) экспертизы, выполняемые в государственных учреждениях [1, 2]. Однако почти два десятилетия спустя стало понятно, что указанная регистрация – это прежде всего средство раскрытия преступлений, чем Минюст России не занимался как в то время, так и сейчас. В результате было принято обоснованное решение о передаче уголовной регистрации в ведение органов полиции (1908 г.). Для ее повсеместного внедрения была создана широкая сеть территориальных регистрационных бюро, сотрудники которых привлекались в том числе для участия в осмотрах мест происшествий и оказания технической помощи при производстве иных следственных действий [1].

¹ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 года. М.: ГИАТЦ МВД России, 2020.

² В те годы места лишения свободы находились в ведении Министерства юстиции России.

Представляется, что этот факт убедительно свидетельствует не в пользу высказываемых предложений относительно объединения всех судебно-экспертных учреждений (СЭУ) в нашей стране, включая правоохранительные министерства и ведомства, в единую судебно-экспертную службу в системе Минюста России (по примеру Республики Казахстан), или же создания организационно обособленного комитета судебных экспертиз (как было сделано в Республике Беларусь) [3].

Следует заметить, что практически в то же время (1893 г.) была организована первая в России государственная судебно-фотографическая лаборатория при прокуратуре Санкт-Петербургской судебной палаты, которая в 1912 г. была преобразована в кабинет научно-судебной экспертизы при том же ведомстве. Однако это учреждение оставалось в России единственным и не могло значимо влиять на судебно-экспертную практику [2].

Таким образом, возникнув фактически по общей причине из одного источника, преодолевая организационные «заблуждения», берут свое начало ЭКД и СЭД, так же как и осуществляющие их разнородные экспертно-криминалистические подразделения (ЭКП) и СЭУ [4]. При этом, будучи гласным, законодательно определенным средством доказывания, судебная экспертиза изначально приобрела широкое признание и популярность в уголовном судопроизводстве вне зависимости от ведомства, в котором она проводилась.

В Советской России (март 1919 г.) в Центропрозоыске был создан кабинет судебной экспертизы. Но уже через год стало очевидно, что такое название не соответствует задачам учреждения. В результате кабинет был переименован в научно-технический отдел, а затем отдел Центропрозоыска. В его обязанности, кроме производства судебных (криминалистических) экспертиз, вменялось ведение уголовной регистрации, участие в осмотрах мест происшествий и производство иных следственных действий, оказание научно-технической и консультативной помощи работникам оперативно-розыскных аппаратов, обучение их научным методам раскрытия и расследования преступлений [5].

Позже были созданы Кабинет судебной экспертизы в Харькове (1923 г.), Институт криминалистики и судебной экспертизы в

Минске (1929 г.), криминалистические лаборатории для учебных целей в ряде юридических вузов Москвы, Ленинграда, Саратова, которые иногда выполняли судебные экспертизы для судов и органов прокуратуры. В 1944 г. была организована Центральная криминалистическая лаборатория Наркомюста СССР, но в 1946 г. ее передали в состав Всесоюзного института юридических наук. В 1962 г. на ее базе был создан Центральный научно-исследовательский институт судебных экспертиз – головное учреждение в системе уже существовавших к тому времени в стране более сорока судебно-экспертных лабораторий, а в некоторых союзных республиках – институтов. И все же научно-технический отдел (НТО) милиции по-прежнему проводил большинство криминалистических экспертиз, назначаемых в стране по уголовным делам.

Развитие НТО милиции и СЭУ Минюста России с момента их возникновения не отличалось стабильностью. Изменялись названия учреждений, цели и содержание их деятельности, ведомственная принадлежность и положение в организационной структуре соответствующих ведомств, что главным образом было следствием недооценки их роли в раскрытии и расследовании преступлений, а по большому счету свидетельствовало об отсутствии научно обоснованной государственной политики в области научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства.

Бесплодные дискуссии, ошибочные решения

Начало активного формирования системы СЭУ Минюста СССР пришлось на время разоблачения культа личности и борьбы с его последствиями (конец 50-х и 60-е годы прошлого века). В этих условиях НТО милиции, прямо скажем, голословно обвиняли в нарушениях социалистической законности и даже в причастности к репрессиям 30-х годов.

Заметим, что в 1960 г. Министерство внутренних дел (МВД) СССР было упразднено, а созданные прежде в МВД республик³ НТО милиции расформированы. Четверть сотрудников сократили, а остальных «укрыли» в оперативно-технических отделах вместе с инженерами по связи. Seriously обсуждались предложения вовсе запретить производство экспертиз в правоохранительных

органах, но законодатель лишь ограничил их деятельность, приняв дополнение к ст. 67 УПК РСФСР (п. 3а), тем самым запретив назначать экспертизы лицам, участвовавшим в осмотре места происшествия по тому же уголовному делу (1966 г.). В действующем УПК РФ такое предписание отсутствует, что само по себе свидетельствует о его надуманности, если не сказать абсурдности с точки зрения организации раскрытия и расследования преступлений.

Никто в то время не говорил, что эксперты НТО милиции по определению не могли участвовать в идеологически мотивированных репрессиях в отношении определенных социальных групп населения: бывших царских офицеров, церковнослужителей, кулаков, троцкистов и др. Для установления и доказывания их «вины» не требовались ни экспертизы, ни эксперты. К тому же не учитывалось, что началу репрессий предшествовало создание НКВД СССР (1934 г.), где было два главных управления – государственной безопасности и рабоче-крестьянской милиции. Причем штатная численность сотрудников первого управления кратно превосходила численность второго. Из общего количества граждан, приговоренных к смертной казни в 1937–1938 гг. так называемыми тройками, в состав которых представители милиции не входили, меньше девяти процентов было по делам, подследственным милиции (бандитизм, убийства, вооруженные разбои и т. п.) [6].

Теперь об этой трагической странице истории нашей страны и ее правоохранительных органов можно было не вспоминать, если бы тогда ее не использовали борцы с культом личности в качестве основного аргумента для обоснования явно ошибочных, а в результате разрушительных организационных и правовых решений в отношении НТО милиции, и если бы до сих пор ее иногда не представляли в научной литературе с тех же ошибочных обвинительных позиций и не использовали при анализе и оценке современных проблем организации деятельности СЭУ Минюста России и ЭКП системы МВД России, да и в целом проблем криминалистики [7].

Возникшие по этой причине 60 лет назад межведомственные противоречия между правоприменителями (Министерством юстиции СССР, Генеральной прокуратурой СССР, Верховным судом СССР), с одной стороны, и правоохранителями (МВД СССР, КГБ СССР) – с другой, не разрешены

³ Позже переименованы в Министерства охраны общественного порядка.

до сих пор, по существу став барьером при рациональном решении организационных и правовых проблем как СЭД, так и ЭКД. В настоящее время более чем очевидно, что избранные тогда методы и средства укрепления СЭД путем разрушительного воздействия на ранее сформированную и в целом успешно действующую систему НТО милиции нельзя признать обоснованными. Только при рациональном сочетании этих видов деятельности возможно формирование и успешное функционирование системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства.

Длительные, бескомпромиссные, а потому бесплодные дискуссии по этому поводу стали основной причиной затянувшегося решения о новом федеральном законе о СЭД, проект которого в первом чтении рассмотрен в Государственной Думе Российской Федерации еще в 2013 г. Остаются не имплементированными в отечественное законодательство положения резолюции Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному судопроизводству «О судебно-экспертной деятельности», принятой в 2010 г.

Судебная экспертиза – и только?

Стремление правоприменителей и представителей судебно-экспертного сообщества создать в нашей стране мощную, действенную, отвечающую международным требованиям систему СЭУ вполне объяснима тогда, но эта проблема актуализировалась в настоящее время в условиях рыночной экономики и глобализации международных отношений. Судебная экспертиза как средство доказывания часто используется в разрешении межгосударственных экономических споров при установлении обстоятельств военных конфликтов. Ее результаты, например при решении вопросов об экстрадиции из других стран лиц, совершивших преступления в нашей стране, оцениваются с учетом требований, предъявляемых к ее назначению и производству международными правовыми актами. В этом смысле судебная экспертиза приобрела черты политико-правовой категории, и с этим необходимо считаться⁴.

Доминирующее положение судебной экспертизы, а в определенной мере ее абсолютизация как средства доказывания в

уголовном процессе, все более очевидны после ее отпочкования от криминалистики в виде самостоятельной науки. Дифференциация научных знаний – закономерное явление в их развитии, но в области прикладных наук она неизбежно сопряжена с деформацией, с разрывом традиционной системы отношений в той практической деятельности, которую такие науки призваны обеспечивать.

В рамках криминалистики экспертиза (в то время криминалистическая) выступала как элемент экспертно-криминалистической деятельности, осуществляемой органами внутренних дел (ОВД), и изначально была ориентирована на содействие правоохранительным органам в раскрытии и расследовании преступлений с использованием научно-технических методов и средств. Приобретению судебной экспертизой научной самостоятельности предшествовали острые и длительные дискуссии (60-е-70-е годы прошлого века), тем более что в числе отпочковавшихся оказывалась и криминалистическая экспертиза, составлявшая довольно объемную и принципиально важную часть экспертно-криминалистической деятельности ЭКП ОВД.

Значительная часть ученых, познавших реалии криминалистической практики и место в ней экспертизы, определяли его по аналогии с предметом криминалистики, связывая СЭД с обнаружением, фиксацией и экспертным исследованием доказательств (В.Д. Арсеньев, А.И. Винберг, Б.М. Комаринец и др.). Однако в итоге возобладало мнение, что это наука «о закономерностях формирования, развития и функционирования судебно-экспертной деятельности... ее комплексного научного отражения как единого целого» [8, с. 40–43].

Получается, да простят меня сторонники такой точки зрения, что предмет СЭД как науки в основе своей выражается в ее самообслуживании и самосовершенствовании; из него теперь исключены задачи по собиранию следов преступлений, их экспресс-анализу, предварительному исследованию. Из этого следует, что судебная экспертиза – это наука для науки. Но фактически представляется, что предметом судебной экспертизы должно являться содействие судебно-следственным органам в установлении истины по уголовным и гражданским делам.

⁴ Хазиев Ш.Н. Теоретические основы организации международного сотрудничества в области судебно-экспертной деятельности. Дисс. ... докт. юрид. наук. Москва, 2017. 462 с.

После внесения упоминавшегося дополнения к ст. 67 УПК РСФСР (п. 3а), во исполнение содержащегося в нем предписания приказом Минюста СССР экспертам СЭУ этого ведомства запрещалось принимать участие в осмотрах мест происшествий и в производстве иных следственных действий.

Таким образом, после отпечкования судебной экспертизы, включая криминалистическую, от криминалистики произошло реальное ограничение предмета ее практической деятельности, из него была исключена поисково-познавательная деятельность, связанная с раскрытием и расследованием преступлений. Следует признать, что в определенном смысле для организации деятельности СЭУ Минюста России это оправдано, поскольку в этих учреждениях традиционно обеспечивается узкая предметно-экспертная специализация как один из важнейших факторов формирования профессионализма и компетентности судебных экспертов. Однако при этом происходила абсолютизация судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве, а точнее – в его научно-техническом обеспечении. Своеобразно и, как нам представляется, не лучшим образом проявилось это и в научных исследованиях проблем СЭД. На конференциях, круглых столах до сих пор продолжают дискуссии о предмете «новой науки» и даже о ее названии (экспертология, экспертика), как и о праве производства судебных экспертиз в правоохранительных органах и т. д., и т. п. Еще не так давно (60-70-е годы прошлого века) практически все диссертации по проблемам судебной экспертизы содержали если не заключительную главу, то параграф о правовой оценке ее результатов и их использовании в процессе доказывания, а иногда в решении розыскных задач. Сегодня, за редким исключением, этого нет [9].

Пока не видно определенности в решении организационных и правовых проблем СЭД, особенно в общей системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства со стороны исполнительной и законодательной власти. Приведем наглядные примеры.

1. В Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы», утвержденной Постановлением Правительства России от 27.12.2012 № 1406 (в ред. от 29.12.2020), речь идет о модернизации СЭД, осуществляемой государственными СЭУ Минюста России, а СЭУ

других ведомств даже не упоминаются. И это несмотря на то, что годом ранее в федеральном законе от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» в перечне основных направлений деятельности этого правоохранительного органа (п. 12 ч. 2 ст. 2) обозначено: «осуществление экспертно-криминалистической деятельности».

2. В апреле 2017 г. Генеральная прокуратура направила письмо в Совет безопасности Российской Федерации с предложениями определить меры по завершению разработки упомянутого выше проекта федерального закона о СЭД и запретить производство судебных экспертиз в правоохранительных органах. А два года спустя законодательно разрешено производство судебных экспертиз в Следственном комитете Российской Федерации⁵.

К этой же серии дискуссионных законодательных решений, по нашему мнению, относятся: а) разрешение назначать и проводить судебные экспертизы до возбуждения уголовного дела (ч. 4 ст. 195 УПК РФ), когда для этого фактически еще нет условий, определенных тем же УПК РФ (ст. 198), не говоря уже о низведении судебной экспертизы до уровня проверочного действия; б) признание в качестве доказательства заключения и показаний специалиста (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), данных им без исследования, то есть на основе пусть и научных, но личных субъективных представлений. А ученые, как известно, также иногда ошибаются [10].

Однако практическая реализация этих явно небесспорных предписаний пока не стала предметом исследований «новой науки», хотя здесь как раз и очевидны проблемы правовой оценки заключений судебных экспертов и их процессуальной независимости. Впрочем, такие исследования, что уже отмечалось, не относятся к предмету СЭД как науки.

Об экспертно-криминалистической деятельности как она есть

Прошло уже почти 10 лет после издания упоминавшегося закона «О полиции», в котором экспертно-криминалистическая деятельность признается одним из основных направлений. Но вот парадокс: до сих пор

⁵ Федеральный закон от 26.07.2019 № 224-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации” и Федеральный закон “О Следственном комитете Российской Федерации”» // Российская Газета. 31.07.2019 № 166 (7924).

в экспертно-криминалистической службе МВД России, призванной осуществлять эту деятельность, не проведено научных исследований в целях формирования однозначного, научно обоснованного представления о методологически важнейших, существенных категориях ЭКД: понятии, содержании, системе, задачах, организационном и правовом обеспечении, ее соотношении с СЭД. Получается, что ЭКЦ МВД России осуществляет организационно-методическое руководство деятельностью, не имея о ней системного представления [4].

Следует ли при этом удивляться, что ЭКД остается непонятой в правоприменительных министерствах и ведомствах страны, которые настойчиво, начиная с 60-х годов прошлого века, добиваются запрета производства экспертиз в ЭКП ОВД? Непониманием истинного значения ЭКД в раскрытии и расследовании преступлений объясняется крайне низкая результативность участия экспертов этих подразделений в осмотрах мест происшествий (в среднем с каждого из них изымается немногим более одного следа). А практика дисциплинарного стимулирования привела к увеличению фактов изъятия с мест происшествий объектов, причинно не связанных с событием преступления или, что еще хуже, следов, оставленных самими экспертами, выступающими в роли специалистов, и изымаемых ими для отчета.

Подобные факты можно объяснить безответственностью таких специалистов, отсутствием у них заинтересованности в конечном результате, а не только в решении частной в общем процессе раскрытия и расследования преступления ситуативно возникшей задачи. В этой связи обращают на себя внимание предложения об организации системного экспертно-криминалистического сопровождения расследования преступлений специалистами. Примерно такая практика формируется в Следственном комитете Российской Федерации, где рядом со следователями действуют следователи-криминалисты, а вновь созданная судебно-экспертная служба организационно от них обособлена. Поучителен в этом отношении опыт некоторых зарубежных стран [11].

Однако реализация данного предложения в условиях сложившейся сто лет назад организации деятельности ЭКП ОВД, когда в одном лице совмещены функции специалиста и эксперта, практически невозможна.

К тому же абсолютное большинство экспертов ЭКП системы МВД России профессионально не готово к такой деятельности. Еще в середине 80-х годов прошлого столетия более 40 % из них – это лица, не имеющие юридической, а следовательно и криминалистической, подготовки, в большинстве своем закончившие вузы естественно-технического профиля. В настоящее время это три четверти штатной численности соответствующих подразделений.

Следует отдать должное: многие из этих сотрудников – хорошие эксперты, но узко предметники, специализирующиеся на отдельных видах экспертиз в условиях лаборатории. Они без должного понимания (не тому их учили), а следовательно, и желания относятся к работе на месте происшествия, где приходится иметь дело с различными по природе и механизму образования следами преступлений, с разнообразными по конструкции и по функциональному назначению техническими средствами. Для этого необходимы универсальная технико-криминалистическая подготовка и постоянный, системно формируемый опыт. Образно говоря, самая сложная экспертиза – «это исследование места происшествия», но экспертов этого вида деятельности в ЭКП ОВД очень мало.

При этом и в вузах МВД России готовят не специалистов по ЭКД, а судебных экспертов. Например, в Институте судебных экспертиз (само название говорит о многом) Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя только на одной из многих кафедр со странным названием «технико-криминалистическое обеспечение судебно-экспертных исследований» преподается что-то, связанное с ЭКД. Но опять же без системного представления об этой деятельности.

Более чем убедительно об абсолютизации СЭД в экспертно-криминалистической службе (ЭКС) МВД России и искажении вектора ее развития свидетельствует проведенная в ЭКЦ МВД России в апреле 2019 г. научно-практическая конференция, посвященная столетнему юбилею службы. Естественно было ожидать услышать доклад руководства ЭКС МВД России с анализом исторического опыта ее развития, проблем современного состояния, с изложением возможных подходов к их решению. Но с первым основным докладом выступила директор ФБУ РФЦСЭ Минюста России С.А. Смирнова. Естественно, она говорила

о важных, требующих своего решения организационных и правовых проблемах, но, конечно, СЭД, а не ЭКД. Не изменили этой направленности конференции и последующие пленарные выступления ученых – представителей судебно-экспертного сообщества и высших учебных учреждений иных ведомств [4].

Такое положение в ЭКС МВД России сложилось неслучайно, оно формировалось с конца 80-х годов прошлого столетия и во многом было предопределено позицией руководства службы – лиц с образованием, полученным в тех же учебных учреждениях естественно-технического профиля, и с опытом ЭКД, приобретенным в научно-исследовательских институтах. Еще в 1988 г. В.А. Снетков, в то время начальник экспертно-криминалистического управления МВД СССР, писал, что применять технику в ходе следственных действий с успехом могут сами следователи и дознаватели (в его понимании это самоцель), а «профильными функциями» экспертов ЭКС являются производство экспертиз и исследований, ведение криминалистических учетов [12]. Эту руководящую установку с удовольствием восприняли его приемники по должности, искажая вектор развития ЭКС МВД России, возводя в абсолют производство судебных экспертиз.

Ущербность сложившегося положения особенно ярко проявилась по мере роста штатной численности ЭКП системы МВД России (в настоящее время около 17 тысяч человек) на фоне крайне скромных в этом отношении возможностей криминалистической службы Следственного комитета Российской Федерации. Это классический случай, когда форма (организация) ЭКД и СЭД с разнородными, к тому же противоречивыми подходами оказалась в жестком противоречии с их содержанием и со стратегией формирования общегосударственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства.

СЭД и ЭКД: общее и особенное

Представим для начала более определенно суть, содержание, назначение и значение этих видов деятельности в уголовном процессе.

Судебная экспертиза возникла и развивается как средство доказывания. Ее значение в этом качестве проявляется, когда реально обозначается предмет доказывания:

признаки преступления, обстоятельства его совершения, лицо, подозреваемое в его совершении. Она проводится по постановлению уполномоченного на то лица (дознавателя, следователя, судьи) с соблюдением довольно жестких, определенных законом требований, предъявляемых как к порядку ее назначения, так и к судебному эксперту. При этом исследования осуществляются, как правило, с использованием заранее разработанных методик и рекомендованных в них методов, средств, приборных комплексов. Иначе говоря, СЭД в своей основе – это лабораторно-исследовательская деятельность.

ЭКД в отличие от СЭД характеризуется как двуединая (по содержанию) и поисково-познавательная (по существу) деятельность. Ее цель – это решение задач двух групп: а) собирание следов преступлений – источников розыскной и доказательственной информации, их экспресс-анализ, предварительное исследование; б) производство экспертиз. Первая из них предполагает участие экспертов ЭКП ОВД (в качестве специалистов) в осмотрах мест происшествий и в проведении иных следственных действий, то есть работу в «полевых условиях». При этом по следам устанавливаются обстоятельства преступления, способ его совершения и признаки причастного к нему лица. Так раскрываются преступления «по горячим следам», так формируется основа доказательственной базы, предопределяющая возможности успешного расследования уголовного дела.

Становление и развитие СЭД и ЭКД в уголовном судопроизводстве нашей страны невозможно представить без учета особенностей формирования и современного состояния уголовного процесса. Как известно, после судебной реформы 1864 г., утверждавшей взамен сословно-розыскного судебно-следственного судопроизводства, в уголовном процессе России выделялись два этапа: первый – предварительного или генерального следствия, задачей которого было установление факта преступления и лица, подозреваемого в его совершении; и второй – специальное или формальное следствие, характеризуемое действиями по проверке уже имеющихся доказательств и собиранию дополнительных, достаточных для признания лица обвиняемым и придания его суду. Позже, уже в советской литературе по уголовному процессу и кримина-

листике, выделен и третий этап – заключительный [13].

Периодизация процесса расследования позволяет не только четко уяснить сущность и содержание его определенного этапа с позиции уголовного процесса и криминалистики, но и конкретизировать значимые практические рекомендации для оптимизации расследования. Иначе говоря, каждый этап расследования имеет свои цели и задачи, присущие их решению методы и средства, особенности организационного и правового обеспечения их использования.

Так, первоначальный этап расследования характеризуется поисково-познавательной деятельностью, осуществляемой прежде всего органами дознания (полиции) в целях установления факта преступления и лица, подозреваемого в его совершении. При этом применяют методы и средства собирания и исследования доказательств в формах, обеспечивающих неотложность, оперативность действий органа дознания. По этому поводу известный российский процессуалист И.Я. Фойницкий еще в 1898 г. писал, что «...успех дознания обеспечивается всего более возможностью проводить его быстро и безостановочно, поэтому установление разных формальных требований в этой стадии было бы не только бесполезно, но и вредно для интересов уголовного судопроизводства» [14, с. 404].

Отсюда следует вывод: в уголовном процессе кроме судебной экспертизы буквально напрашиваются иные формы исследования доказательств. Это может быть «следственная экспертиза» или «исследование специалиста» (по опыту других стран) [11]. Но здесь неизбежно возникает вопрос о правовом значении доказательств, полученных на первом этапе расследования, в том числе в результате экспертных исследований.

Представители судебно-экспертного сообщества и их сторонники в правоприменительных органах, судя по всему, оставаясь под влиянием идеологизмов 60-летней давности, фактически исключают такую возможность, возводя в абсолют всего процесса расследования принцип процессуальной независимости судебного эксперта, который исключает его службу в правоохранительных органах. При этом не придается значение не только вышеизложенному «принципу И.Я. Фойницкого», но и тому очевидному факту, что в уголовном процессе есть сторона обвинения и сторона защи-

ты. Реализацию их функции обеспечивают специально созданные государственные органы, в том числе органы дознания и следствия, наделенные правом осуществлять ЭКД по собиранию, исследованию и использованию доказательств.

Отрицать доказательственное значение результатов этой деятельности – значит, априори выражать недоверие указанным государственным органам и, как следствие, не придавать значение тому, что на их создание и функционирование государство расходует огромные средства. Кроме того, формально дублировать исследования специалистов или экспертов правоохранительных органов в форме судебной экспертизы не только бесполезно или вредно, но и расточительно. При этом следует учитывать, что на втором этапе расследования, когда доминирует процесс доказывания обстоятельств преступления и участия в его совершении подозреваемого лица, не только добываются дополнительные доказательства, но и проверяются доказательства, полученные на первом этапе расследования, причем с соблюдением установленных законом более жестких требований к их форме и содержанию, к порядку их получения, оформления и приобщения к уголовному делу. С этих позиций осуществляется их правовая оценка в части относимости, допустимости и достоверности.

Заметим, что принцип процессуальной независимости судебного эксперта возник и выступает как один из принципов в системе гарантий объективности и справедливости судебного решения (приговора) независимого суда. Подчеркнем: не органов следствия, а суда. В этом отношении не просто объяснимы, а вполне оправданы особые требования, предъявляемые к организации СЭД и к судебным экспертам. Однако, как известно, абсолютной независимости в условиях личностных, общественных, да и правовых отношений нет и быть не может. Это идеализированная, но фактически недостижимая цель, хотя стремиться к ней необходимо. В конечном итоге эксперты СЭУ Минюста России, так же как и эксперты ЭКП ОВД, зависимы от своих руководителей, от тех, кто дает им работу, кто оплачивает их труд. К тому же не следует исключать, что экспертный вывод может находиться в прямой зависимости от суммы гонорара [15, с. 28–30]. Следовательно, принцип процессуальной независимости судебного эксперта обеспечивается не его

ведомственной принадлежностью, не формальными запретами выступать в этой роли экспертам правоохранительных органов, а их ответственностью, уровнем профессионализма и компетентностью, наконец, проверяемостью даваемых ими заключений.

Что делать?

Найти оптимальный ответ на этот вопрос невозможно без критического анализа и оценки прошлого, а также без признания деструктивности узковедомственных подходов к решению проблем ЭКД и СЭД, возникших еще в советское время в весьма специфических условиях. Судя по дискуссиям, длящимся уже шесть десятилетий, суть этих проблем, образно говоря, сводится к выяснению, в каком ведомстве «экспертизы научней, а эксперты независимей». То есть эти споры преследуют ведомственно-тактические или даже служебно-конъюнктурные, но не стратегические цели.

Представляется, что криминалисты и судебные эксперты не до конца понимают, что возникновение и развитие как ЭКД так и СЭД были обусловлены реальными потребностями судебно-следственной практики, что одна не исключает существование другой, более того – только вместе они составляют основу научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства.

Медленно осознается и тот факт, что коренные изменения социально-экономических отношений в нашей стране в сочетании с современными достижениями научно-технического прогресса обусловили резкие негативные количественные и качественные изменения преступности, которые явно сместились в сферу экономики и приобретают все более высокотехнологичный и общественно опасный характер, осваивая возможности компьютерных и информационно-телекоммуникационных технологий.

Показательный в этом отношении факт: в 2017 г. в сфере компьютерной информации было зарегистрировано 90 587 преступлений, а в 2019 – уже 294 409, т. е. за два года количество преступлений увеличилось в три раза [16]. По мере цифровизации экономики очевидна тенденция роста ущерба от таких преступлений, а следовательно, и опасности их для общества и государства. Впрочем, очевидно и то, что ни ЭКД, ни СЭД, как и осуществляющие их ЭКП системы МВД России и СЭУ Минюста России, не могут в их современном состоянии адекватно ответить на вызовы современной преступности.

Непреодолимо тяжелым оказался для них не только груз ошибок прошлого, но и несогласованных, противоречивых подходов к их исправлению.

В настоящее время стратегическую цель развития ЭКД и СЭД невозможно представить без учета основополагающих правовых актов, определяющих перспективы формирования в нашей стране цифровой экономики [там же], развития искусственного интеллекта, которыми на МВД России и Минюст России возложена задача создать в 2020 г. систему негосударственных экспертных организаций в целях разработки проблем компьютерной криминалистики [16].

Успешно решать обозначенные выше проблемы в рамках ЭКД и СЭД разрозненно, с позиции узковедомственных представлений или корпоративных интересов, вне общей системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, в настоящее время невозможно. Опыт прошлого свидетельствует, что весьма велик риск ошибочных и даже вредных для судебно-следственной практики организационных и правовых решений. Необходима разработка концептуально нового подхода к формированию государственной системы научно-технического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, включая ЭКД и СЭД.

При этом очень важно в порядке межведомственного соглашения, а возможно и на законодательном уровне, определить концептуально важные требования (принципы), которым должна соответствовать такая система. Основные из них:

- законность – безусловное соблюдение законом установленного порядка осуществления ЭКД и СЭД;
- прагматизм – ориентация на решение реально существующих и ситуационно (поэтапно) проявляющихся проблем процесса раскрытия и расследования преступлений;
- экономичность – системно осмысленное решение вопросов о доказательственном значении результатов исследований экспертов и специалистов;
- рационализм – исключение формального дублирования исследования доказательств, организация СЭУ при вузах (на их базе);
- альтернативность – возможность повторного, в том числе иноведомственного исследования доказательств, как средства, гарантирующего обоснованность и достоверность их результатов;

• междведомственная согласованность классификации и стандартизации методик исследования доказательств.

Для разработки такой концепции научно-технического обеспечения уголовного су-

допроизводства, включая ЭКД и СЭД, следовало бы организовать междведомственное комплексное исследование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М.: Норма, 1999. 496 с.
2. Крылов И.Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Л.: Ленинградский университет, 1963. 214 с.
3. Волюнский А.Ф. Республика Беларусь реформировала систему судебно-экспертных учреждений. А Россия? / Материалы V Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (Москва, 22–23 января 2015 г.). М.: Проспект, 2015. С. 119–124.
4. Волюнский А.Ф. К столетию экспертно-криминалистической службы МВД России: невыученные уроки истории // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52). С. 90–100.
5. Кулагин П.Г. К истории развития учреждений судебной экспертизы в СССР // Экспертная практика. 1968. № 2. С. 3–17.
6. Сидорчик А. «Уникальный всплеск насилия». Историк Александр Дюков – о «Большом терроре» // Аргументы и факты. 27 сентября 2017 г. № 39. https://aif.ru/society/history/unikalnyy_vsplesk_nasiliya_istorik_aleksandr_dyukov_o_bolshom_terrore
7. Сокол В.Ю. Кризис Отечественной криминалистики. Краснодар: [б.и.], 2017. 332 с.
8. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2006. 479 с.
9. Волюнский А.Ф. Предмет криминалистики и «научный сепаратизм»: последствия и возможности их преодоления // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 175–185.
10. Волюнский А.Ф. Соотношение судебной экспертизы и исследования специалиста // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 24–28.
11. Волюнский А.Ф. Уроки исторического опыта использования опыта других стран в борьбе с преступностью // Общество и право. 2016. № 3 (57). С. 138–142.
12. Снетков В.А. Проблемы повышения эффективности экспертно-криминалистической службы (в период 1984–1991 гг.) / 85 лет Экспертно-криминалистической службы органов внутренних дел России. Сб. статей. М.: ЭКЦ МВД России. Центр социальных программ МВД России, 2004. С. 113–125.

REFERECES

1. Belkin R.S. *The History of the Domestic Criminalistics*. Moscow: Norma, 1999. 496 p. (In Russ.)
2. Krylov I.F. *Forensic Expertise in the Criminal Procedure*. Leningrad: Leningradskii universitet, 1963. 214 p. (In Russ.)
3. Volynskii A.F. The Republic of Belarus Has Reformed the System of Forensic Institutions. And Russia? *The Materials of the 5th International Scientific and Practical Conference "Theory and Practice of Forensic Expertise in the Current Context"* (Moscow, March 22–23, 2015). Moscow: Prospekt, 2015. P. 119–124. (In Russ.)
4. Volynskij A.F. To the Centenary of the Forensic Service of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Unlearned Lessons of History. *Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia*. 2019. No. 4 (52). P. 90–100. (In Russ.)
5. Kulagin P.G. On the History of the Forensic Institutions' Development in the USSR. *Expert Practice*. 1968. No. 2. P. 3–17. (In Russ.)
6. Sidorchik A. "A Unique Surge in Violence". Historian Aleksandr Dyukov – on "The Great Terror". *Arguments and Facts*. September 27, 2017. No. 39. (In Russ.). https://aif.ru/society/history/unikalnyy_vsplesk_nasiliya_istorik_aleksandr_dyukov_o_bolshom_terrore
7. Sokol V.Yu. *The Crisis of the Domestic Forensic Science*. Krasnodar: [b.i.], 2017. 332 p. (In Russ.)
8. Aver'yanova T.V. *Forensic Science. General Theory Course*. Moscow: Norma, 2006. 479 p. (In Russ.)
9. Volynskij A.F. Subject of Criminalistics and "Scientific Separatism": Consequences and Opportunities of Their Overcoming. *Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia*. 2018. No. 1 (45). P. 175–185. (In Russ.)
10. Volynskiy A.F. The Ratio of Judicial Examination and Research Specialist. *Vestnik of Economic Security*. 2018. No. 1. P. 24–28. (In Russ.)
11. Volynsky A.F. The Lessons of the Historical Experience of Using the Experiences of Other Countries in the Fight against Crime. *Society and Law*. 2016. No. 3 (57). P. 138–142. (In Russ.)
12. Snetkov V.A. The Problems of Improving the Efficiency of Forensic Expert Service (in the Period of 1984–1991). *85 Years of the Russian Internal Affairs Bodies' Forensic Expert Service. Collection of Papers*. Moscow: Forensic Science Centre of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The Centre of Social Programs of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. P. 113–125. (In Russ.)

13. Возгрин И.А. О структуре методик расследования отдельных видов преступлений / Вопросы теории и практики борьбы с преступностью. Л.: ВПУ МВД СССР, 1974. С. 74–84.
14. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. 2-е изд. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. 607 с.
15. Судебные экспертизы в гражданском судопроизводстве: организация и тактика / Под ред. Е.Р. Россинской. М.: Юрайт, 2011. 535 с.
16. Волинский А.Ф., Прорвич В.А. Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты «традиционной» и цифровой экономики. Монография. М.: Экономика, 2020. 476 с.
13. Vozgrin I.A. On the Structure of the Investigation Techniques for Certain Types of Crimes. *Theoretical and Practical Issues of Fighting Crime*. Leningrad: VPU MVD SSSR, 1974. P. 74–84. (In Russ.)
14. Foinitskii I.Ya. *Course of Criminal Procedure*. Vol. 2. 2nd ed. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1899. 607 p. (In Russ.)
15. Rossinskaya E.R. (ed). *Forensic Examinations in Civil Proceedings: Organization and Tactics*. Moscow: Yurait, 2011. 535 p. (In Russ.)
16. Volynskii A.F., Prorvich V.A. *Computer Forensics in the System of Criminal Law Protection of "Traditional" and Digital Economics. Monograph*, Moscow: Ekonomika, 2020. 476 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волинский Александр Фомич – д. юр. н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор Московской академии Следственного комитета Российской Федерации:
e-mail: svetzhavoron@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Volynskii Alexander Fomich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminalistics at the Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot, Professor at the Moscow Academy of the Investigative Committee of Russia: e-mail: svetzhavoron@yandex.ru

*Статья поступила: 11.10.2020
После доработки: 14.01.2021
Принята к печати: 05.02.2021*

*Received: October 11, 2020
Revised: January 14, 2021
Accepted: February 05, 2021*